

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. М. Нилов

Социальная идентичность и межкультурная коммуникация

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Nilov.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

созданы социальными учеными и только тиражированы средствами массовой информации. Именно отсутствие консенсуса в социологических представлениях породило фрагментацию массового сознания. А это имеет далеко идущие последствия: существующие социологические образы России постулируют принципиально различные сценарии развития нашей страны: например, цивилизационная парадигма ориентирует на особое развитие, модернизационная парадигма — на включение в Европу. Следовательно, каждая парадигма не только идентифицирует Россию по-другому, но и конструирует ее будущее по-иному, и, кроме того — что очень важно! — и Европу конструирует по-разному — с Россией или без нее. Хотелось бы напомнить, что конструирование Европы продолжится, и от современных социальных исследователей, прежде всего российских, во многом зависит, войдет ли Россия в Европу, другими словами, будет ли общественное мнение Европы считать Россию частью Европы или нет. Ведь невозможно признать Россию европейской страной, если в самой России в дискурсе о ее идентификации ее таковой не признают. А самоидентификация России в качестве европейской страны, как и признание ее европейскости со стороны всего мира, — это принципиально важно для россиян.

Таким образом, конструирование образа России на основе разных теоретических проекций будет способствовать созданию адекватного образа страны, а также изменению ее идентификации и имиджа. В то же время конструирование одного многомерного, собирательного, хотя и более сложного образа России, поможет преодолеть социальную фрагментацию, от которой так страдают россияне. Тем самым социальные исследователи могут внести свой вклад в социальную интеграцию современного общества.

В.М. Нилов
(ПГУ, Петрозаводск)

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Как научное понятие «идентичность» имеет глубокие исторические корни, восходящие к философии Аристотеля и традициям метафизики. Однако употребление этого термина в социально-гуманитарных науках возникло сравнительно недавно (см.: Малахов 1998; Баклушинский, Белинская 1998).

Многие исследователи, начиная от авторов идеи социальной идентичности (А. Тешфел, Э. Эриксон) и самокатегоризации (Дж. Тернер), классиков интеракционистской школы (Дж. Мид, И. Гоффман), школы социальных представлений (С. Московичи, М. Заваллони) и др., рассматривают социальную идентичность как инструмент постижения личностного «бытия-в-мире», один из уровней Я-отнесенности (самокатегори-

зации, «Я-концепции»). В их интерпретации социальная идентичность — это форма самоописания, самопрезентации человека, оценивающего свою отнесенность к внешнему миру, когнитивная структура, в которой причудливо соединены те связи, отношения, оценки, которые структурируют место и связи данного конкретного индивида в социуме. Э. Фромм включал идентификацию в число универсальных человеческих потребностей (Фромм 1990).

Социальная идентичность является одним из механизмов, помогающих в решении различных жизненных проблем и, в частности, адаптации к социальным изменениям и выстраиванию жизненных стратегий в новых условиях. Для российского общества это имеет исключительное значение, где в последние полтора — два десятилетия начала исчезать общность, с которой отождествляла себя большая часть населения — советский народ, что создало не только определенный социально-культурный вакуум, но острую социально-психологическую и смысловую проблему. По наблюдениям Ю. Левады, до половины населения новой России в это время по-прежнему ощущали себя «советскими людьми», испытывали ностальгию по советскому прошлому и были убеждены в том, что было бы лучше, если бы в 1985 г. ничего не менялось (Левада 2003). Тем временем в стране, поменявшей название, систему власти и экономики, наименования городов и улиц, исторические памятники оставалось все меньше элементов, способных удовлетворить эту ностальгию и потребность в социальной идентификации.

Однако, по мнению Э. Эриксона, кризисы общества представляют собой не только траекторию распада, но и особый поворотный пункт в развитии переживающей его личности, когда создаются основания для создания элементов новой идентичности (Эриксон 1996). Как правило, этот процесс развивается весьма трудно и болезненно, часто сопровождается социальными депривациями, одиночеством, ослаблением социальных связей, девальвацией или потерей устоявшихся ценностей и идеалов. В период нестабильности многие индивиды перестают отождествлять себя с макросоциальной, государственной общностью, у них исчезает сложившееся ценностно-ориентационное единство с ней и позитивное восприятие.

По данным О. Дудченко и А. Мытиль, между идентификацией и социальным самочувствием существует четко выраженная зависимость: чем более положительно оценивается свое социальное положение и изменения, происходящие в жизни, тем более насыщенным оказывается будущее (Дудченко, Мытиль 1995). И наоборот, чем более негативно воспринимаются перемены, чем в большей степени ощущаются потери в социально-статусных позициях, тем сильнее концентрация понятий вокруг полюса «прошлое». В этой ситуации, когда существующая принадлежность к общности перестает удовлетворять субъекта, он стремится либо покинуть группу, с которой себя отождествляет, либо сделать так, чтобы в

его восприятию эта группа стала позитивно отличной от других. Начинается также поиск той социальной общности, которая позволила бы восстановить базовые ценностные основания, защитить от трудностей и превратностей жизни, самоутвердиться в социальном статусе. К сожалению, в нестабильном обществе не всегда сохраняется группа, способная эффективно и социально правильно выполнять эту функцию. Об этом все чаще свидетельствуют рецидивы национализма, ксенофобии и расизма, особенно в молодежной среде.

В настоящее время существуют разные модели подготовки индивидов к межкультурному взаимодействию, сделан определенный сдвиг и в области преподавания теории межкультурной коммуникации. Специалисты указывают на важность межкультурного обучения, самоисследования и критической саморефлексии в самом раннем возрасте, использования многоязычия, т.е. овладения языками тех людей, которые живут рядом. Поэтому на повестке дня стоит задача радикального обновления «школьной философии» с точки зрения включения в учебный процесс подобных принципов межкультурного обучения (Агеев 1990).

В научной и учебно-методической литературе подчеркивается связь между научением культуре и личностным (интеллектуальным и когнитивным) ростом индивида. Поэтому развитие межкультурной компетенции в период социализации должно осуществляться в рамках сопоставительного и социокультурного подходов, предполагающих знакомство с культурой других стран, изучение иностранных языков и литературы (Грушевицкая, Попков, Садохин 2002; Садохин 2005).

Несомненно, что в области обучения межкультурной коммуникации остаются нерешенными еще очень многие вопросы, среди которых одним из ключевых является проблема разработки эффективной системы поэтапного развития межкультурно-коммуникативной компетентности как школьников и студентов, так и специалистов по межкультурной коммуникации. Эта система должна включать не только занятия в рамках программ обучения культуре и иностранным языкам, но и других базовых дисциплин. В частности, на этапе профессиональной подготовки особая роль здесь отводится изучению этнологии и географии, социологии культуры и социальной психологии.

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии социальной идентичности // Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования / Под ред. В.С. Собкина. М.: Наука, 1998.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. Учебник. М.: Юнити-Дана, 2002.

Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 110–119.

Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. Время перемен глазами

общественного мнения // Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии. 2003. № 1. С. 8–16.

Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2.

Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

С.Н. Погодин
(С.-Петербург)

СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.И. ГЕРЬЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 07-03-00475а.

Во второй половине 60-х годов XIX в. в России появилось большое количество трудов позитивистов. «Позитивистская волна прямо-таки захлестнула страницы русской печати», — констатировал отечественный исследователь Б.М. Шахматов (Шахматов 1977:100). Учение О. Конта и его последователей привлекло русскую интеллигенцию за внимание к фактам. «Идеологическая функция позитивизма, — отмечал И.С. Кон, — объективна и состояла в том, чтобы выработать мировоззрение, реалистическое по своим внешним признакам» (Кон 1964: 9). Для В.И. Герье отношение к позитивизму нельзя квалифицировать как принятием одних сторон и отбрасыванием других. Не совсем прав, на наш взгляд Н.И. Кареев считавший: «Он (т.е. В.И. Герье. — П.С.) воспитывался на германском идеализме и, в общем, к позитивизму относился с недоверием, хотя главным образом, через Тэна, которого ставил очень высоко, и усвоил некоторые позитивистические выводы» (Кареев 1922: 164). Более точную характеристику эволюции исторической теории В.И. Герье, как нам представляется, дал А.А. Кизеветтор, «Длинный ряд поколений прошел, таким образом, через его школу. Верный основам идеалистической философии истории, воспринятым им в молодости, он с большим талантом принаравливал их в течение своей долгой профессорской деятельности к результатам последующего движения европейской исторической мысли» (Кизеветтор 1930: 123–124). Отечественный историк Б.Г. Сафронов верно заметил, что интерес к позитивизму носил у В.И. Герье временный характер и объяснялся влиянием трудов И. Тэна, сумевшего использовать позитивизм в консервативных целях, а также возраставшей популярностью этого учения в рядах молодых ученых (Сафронов 1976: 86, 89).

Позиция В.И. Герье по отношению к позитивизму наиболее четко была изложена в двух его больших статьях «Очерк развития исторической науки» (см.: Русский вестник. 1865. № 10–11, в том же году статья вышла отдельным изданием) и «Огюст Конт и его значение в исторической на-